

Я смотрел, как мой отец сгорает дотла. Соль моря покрывала мой язык.

Четырнадцать лет. Слишком молод, чтобы стоять плечом к плечу в строю, чтобы что-то изменить. Слишком стар, чтобы когда-либо забыть, как его несли на ложе из сломанных щитов. Слезы застилали мне глаза, дым и морской бриз невыносимо давили на мои чувства. Я отказался плакать. Мужчины несли его в мрачном молчании, наблюдая, как их капитан и бесчисленные братья сгорают дотла. Я сделаю то же самое.

Капитаны ведут с фронта. Это был путь легионов, первая добродетель Республики. Это был первый урок, который преподал мне мой отец, и он снова и снова подтверждал свои слова действиями на службе. Солдаты пятого легиона любили его за это. Они сворачивали горы ради него за это.

И когда он умер и ушёл в загробный мир, они последовали за ним и туда.

Скорбные рёвы боевых труб легиона окутали лагерь, легионеры выдыхали свои души в рога ради их павшего капитана и его людей. Некоторые мужчины плакали молчаливыми слезами. Другие безучастно смотрели на пламя, их мысли всё ещё были в гуще битвы. Хотя большинство... Большинство были просто мрачны.

— Вытри свои глаза, юный Солус.

Инстинкт двигал мной. Я вытянулся, выбрасывая слезы горя, соли и дыма из глаз. Волна звука прокатилась по рядам, когда сотни мужчин ударили сжатыми кулаками по сердцу в знак уважения. С опозданием я сделал то же самое.

Генерал западного фронта опустил руку мне на плечо, и я пошатнулся под её тяжестью. Это было не физическое воздействие. Одно его присутствие едва не поставило меня на колени. Генерал посмотрел на массовый погребальный костёр, в центре которого был мой отец. В его глазах была печаль. Но никаких слез.

— Мы не плачем, пока битва не выиграна, — сказал он мне. Его решимость была тихой. И всё же она сотрясла землю под нашими ногами. — Твой отец принял смерть перед поражением. Мы должны почтить эту решимость действиями. Высуши эти глаза, пока мы не сбросим его врагов в море.

Слова были сказаны для меня, но они распространились так же далеко как боевые рога. Легионеры кричали и били кулаками по нагрудникам, ударяли о землю прикладами их копий. Это было в природе Римского генерала, чтобы требовать непоколебимую верность, но это был промысел человека, который командовал западным фронтом, что требовал такую ошеломляющую преданность. Ни один человек во всей Республике не был так любим.

Он отвернул меня от костра, от пепла и соли и повёл меня обратно в лагерь, положив руку мне на плечо. С таким же успехом я мог бы сопротивляться смене времён года.

— Твой отец был прекрасным мужем для моей племянницы и ещё более прекрасным капитаном в моих легионах. — Мой двоюродный дедушка провёл меня через лагерь с его обветренными палатками и осадными материалами. Земля под нашими ногами давно была вытоптана до грязи. — То, что я был должен ему, теперь я должен тебе. Мальчику твоего возраста нужна рука, которая направит тебя. И тебе придётся довольствоваться моей.

Он раздвинул полог командной палатки и ввёл меня внутрь. Внутри находились люди, которые выглядели не старше моего отца, но обладали присутствием и шрамами мужчин многократно старше, сохранившихся благодаря культивации. На меня обратили внимание логистики западных легионов, и давление их внимания едва не поставило меня на колени.

Я стиснул зубы и вытянулся по стойке смирно, и, хотя у меня не было нагрудника, которым можно было бы ударить, я всё же ударил кулаком по сердцу. Они оценивающе посмотрели на меня.

Мой двоюродный дедушка вошёл позади меня, и эти монстры встали и последовали моему примеру перед Генералом Запада.

— Вольно, — сказал он, позволив легионеру, который ждал у входа в палатку, снять его тяжёлый малиновый плащ. Он оставил свои доспехи, заняв своё место на простой скамье во главе широкого песчаного стола. Логистики расслабились, заняли свои места и вернулись к их предыдущему обсуждению.

Один из них, однако, с любопытством взглянул на меня. Я не двигался. Не посмел покинуть положение смирно.

— Гай, — сказал логистик. — Кто этот мальчик?

Мой двоюродный дедушка оглянулся на меня, и выражение его лица заставило моё сердце сжаться в груди. Я удержал слезы. Но вкус морской соли и погребального пепла остался.

— Это мой племянник, Солус, — сказал он. — Его отец привёл его сюда, чтобы показать ему, как живут добродетельные сыны Рима. Теперь я научу его, как вести их.

Он сделал жест, и я присоединился к нему на скамейке. Самые дальние западные уголки Средиземноморья выстроились перед нами на песчаном столе со всеми их армиями. Мои глаза сразу же отыскивали один конкретный набор деталей. Мой двоюродный дедушка покачал головой.

— Нам предстоит долгая кампания, племянник. — Он указал в другое место. Север.

— Сначала мы возьмём Галлов.

— Каким главным качеством должен обладать человек, чтобы вести за собой? — спросил меня мой двоюродный дедушка. Это был риторический вопрос, как и большинство других, которые он задавал. Его ярко-серые глаза метались по полю. В поисках чего-то, что только он мог видеть. — Дело не только в силе. И не в мудрости. Человеку не нужно превосходить тех, кого он ведёт, ни в чём, кроме одного.

— Что это, дядя? — послушно спросил я, сопротивляясь желанию расправить плечи в незнакомой броне, которую мне выдали. Всё ещё слишком молод, чтобы стоять плечом к плечу в строю, но и я не мог ехать рядом с генералом в штатском.

— Люди обычно быстро верят в то, что они хотят, чтобы было правдой, — сказал Гай. — Бремя Республики — пролить свет на каждую нацию, томящуюся в тени. Нас со всех сторон окружают варварские государства. В подобных обстоятельствах человеку больше всего на свете нужна путеводная звезда. Чтобы заставить этого человека поверить, что ты достоин, чтобы идти за тобой в кричащие толпы, достоин, что бы умереть стоя с тобой плечом к плечу. Достоин, чтобы умереть за тебя. Это самый минимум того, что тебе нужно, чтобы вести за собой.

Его глаза загорелись, когда он нашёл то, что искал в гуще битвы.

— Наблюдай за мной, — скомандовал он и пустил лошадь в галоп.

Западные легионы вступили в ожесточённый бой с Галльскими ордами. Они пытались спрятаться за стенами своего поселения, но офицеры Гая разрушили их культивированием, которое потрясло мои чувства. Высыпавшиеся варвары были огромными, крупнее всех легионеров, кроме величайших, и гораздо более многочисленными. Тысячи после тысяч выбежали из-за стен, а затем трубачи среди легионов подняли свои трубы и забили тревогу, когда в тылу с воем появилось ещё больше.

Мы были пойманы посередине. И единственный выход был сквозь. Я смотрел, как Генерал Запада сломя голову бросился в бой, и я видел, как разбитые ряды легионов восстанавливаются, словно по волшебству, там, где он проходил.

Стены щитов сомкнулись друг с другом. Ряды центурии упёрлись пятками в грязь и держались там, где раньше их оттесняли. Легионеры, кричавшие от гнева и страха или просто от восторга, замолчали. Сосредоточились. Гай прошёл через ряды, как стрела, и проходя мимо он оставил их безмолвными и опасными, как нож.

И он вонзил этот клинок в кричащую глотку Галльской армии.

Я крепко сжал гладиус на моём боку, страстно желая присоединиться к ним. Каждый павший легионер был жизнью, которую я мог бы спасти. Отец, который сгорит на костре, потому что меня не было рядом, чтобы прикрыть его в давке. Но я поборол это желание. Я наблюдал. И я пообещал себе, что когда-нибудь скоро стану таким же, как мой двоюродный дедушка. Светом,

который ведёт.

Гай прорвался через Галльские приливы и нашёл свою цель. Генерал Запада встретился с Галльским королём, и их столкновение сбilo меня с коня. Я схватился за поводья, когда боевой конь поднялся на дыбы и закричал, бросая вызов небесам. Даже звери отдали свои сердца за Гая.

Всё закончилось так же быстро, как и началось. Галльские армии рассыпались, как будто они были сделаны из песка, каскадное отступление, которое началось с обоих фронтов и вскоре распространилось на их самые дальние тылы. Их король держал их так же крепко, как легионы – их генерал, и когда Гай поверг Галльского тирана на землю, стало ясно, кто стоит выше среди неба и земли.

Легионы подняли свои орлиные штандарты, громкие звуки боевых труб рассекли воздух. Галльский король сжал зияющую рану в боку и на глазах легионеров и варваров медленно преклонил колени.

Молния ударила в Генерала Запада.

Ужас остановил моё сердце. Молния упала с ясного голубого неба, и в следующее мгновение последовала другая. Затем ещё одна. Десятки, в мгновение ока. Сотни. Варвары, оказавшиеся слишком близко, испарялись в столбе света. Стены щитов Легиона возвышались черепашьям строем, когда люди генерала выстраивались рядами против небес.

Спустя то, что казалось вечностью и при этом было лишь мгновением, буря прекратилась. В эпицентре её разрушений преклонил колени Галльский король, дымящиеся остатки человека. Всё ещё живой, всё ещё стоящий на коленях, но лишь едва.

Гай сел на коня. Его пневма развевалась над полем боя, как знамя орла, и там, где он проходил, люди падали на колени. По рядам легиона пронёсся раскатистый грохот, тысячи кулаков ударили в бронированные груди в знак салюта.

Мои ноги тряслись от желания встать на колени. Мои самые низменные инстинкты умоляли меня подчиниться. Но я стоял, высокий и гордый, прижав кулак к сердцу. И когда мой двоюродный дедушка посмотрел на меня через поле, в его глазах была гордость.

С того дня мой путь был определён.

Генерал Запада вернулся домой на свой Триумф. Галльского короля провезли по великому городу, и в течение нескольких дней Рим прославлял своего любимого сына. Это был головокружительный опыт. Я чувствовал себя совершенно не в своей тарелке в городе, по которому когда-то так высокомерно рыскал, как охотничий кот.

Мои доспехи теперь казались более естественными, чем мягкие ткани и тоги, которые я носил в детстве. Моё лезвие было привычнее для моей руки, чем любая чаша вина.

Когда мой двоюродный дедушка представил мне девушку и объявил её моей женой, я понятия не имел, что с ней делать. Но я был сыном моего отца. Я предложил ей руку, и она взяла её. Её кожа была мягкой, цвета свежих сливок. Она застенчиво посмотрела на меня из-под длинных ресниц. Я решил, что мне не нравятся схемы, позади них.

Поэтому я прижал её к своей груди и крепко поцеловал. Солдаты пятого легиона аплодировали и смеялись. Когда мы расстались, её каштановые косы были растрёпаны, голубые глаза испуганно смотрели.

— Никаких игр, — сказал я ей. — И я твой.

Медленно, она улыбнулась.

Мне только что исполнилось семнадцать. Западный фронт превратился в руины. Воробы закрыли небо, и пепел, как туман, покрыл сельскую местность. Куда бы враг ни отправился, они жгли и они засаливали.

— У нас нет выбора, — мрачно сказал мой двоюродный дедушка. Мы выстроились вокруг песчаного стола, логистики и офицеры каждого легиона собрались, чтобы послушать речь генерала. Он перемещал фигуры из слоновой кости по песку, загоня прилив обсидиановых камней. — Наши внутренние конфликты ослабили нас, и враг не даёт нам времени, чтобы собраться. Мы разделим их здесь и сгоним в море, или мы обречены.

Офицерам были даны приказы к маршу и те в ответ били кулаками по сердцу и выходили из командной палатки, чтобы собрать своих людей. Легионы были уставшими. Они были измотаны. Но они были сыновьями Рима и они будут маршировать до тех пор, пока битва не будет выиграна.

Вскоре остались только логистики. Гай часами говорил с ними о землях, лежащих между нами и врагом, о преимуществах, которые могут быть созданы для наших войск на этом пути. Я всё это время стоял рядом с ним, блуждая глазами по песчаному столу. Моя броня была холодной. Тяжелее, чем обычно, на моих плечах.

— Что ты видишь, Солус? — спросил он меня через некоторое время.

— Мы превосходим их числом, — сказал я. Мой кулак сжался.

— Но они терзают нас как воробы. — Он кивнул, взяв в руку фигуру из слоновой кости, которая была выше остальных. Он перекачивал её между пальцами, созерцая. — Войны выигрываются

сердцами тех, кто в них сражается. Люди должны верить, что они могут победить. Победа над превосходящими числами укрепляет эту веру. — Он не объяснил, что происходит в противоположном случае. Ему не нужно было.

— Эти истории, которые мы слышали...

— Не имеют значения. Наша цель неизменна. — Он махнул рукой, отпустив логистиков из палатки. Когда они ушли, он опустил эту руку и разделил легионы из слоновой кости. Он поставил свою фигуру вместе с западными войсками. — Я поручаю тебе пятый легион.

— Ты не можешь! — Это был немедленный ответ. Инстинктивный. Тиран Запада поднял на меня бровь. — Сэр, я не готов. Я недостаточно силён...

— Что я тебе говорил? — Ярко-серые глаза горели. Они оценивали меня так же, как оценивали каждого врага, павшего к ногам Республики. — Одна только сила не имеет значения. Ты мой племянник, который взрастил мою добродетель. Солдаты пятого легиона любят тебя так же сильно, как они любили твоего отца. Ты поведёшь их.

— Больше никого нет? — спросил я, чувствуя тяжесть в желудке.

— Никого, кого я могу освободить. У тебя будут советники, логистики и три тысячи сияющих римских душ, чтобы пронести тебя через это. Всё, что тебе нужно сделать, это показать им путь.

Я глубоко вдохнул. Мой кулак ударил по нагруднику.

— Я не подведу тебя, дядя.

— Отец, — поправил он меня, слабо улыбнувшись моему замешательству. Из складки своей мантии он достал свиток папируса. Он протянул его мне. Я развернул документ и стал читать с растущим недоверием.

Это было заявление об усыновлении.

— Сражайся, сын мой, — сказал он, вставая и хлопая меня по плечу. Его серые глаза яростно горели. — Сражайся, пока не падёт последний человек. Я, твой отец, позабочусь об остальном.

Враг не был похож ни на что, что когда-либо видел пятый легион. Они хлынули на поле битвы, как полуночный прилив. Как живой кошмар. Когда они столкнулись с нашей стеной щитов, их вой сотряс землю.

В считанные минуты наши порядки были разбиты. Они унесли нас прочь от наших братских легионов, и единственным признаком их местонахождения были кружащиеся тучи ворон, которые затемняли небо. Вдалеке молния снова и снова ударяла в землю, когда солдаты легионов моего приёмного отца сражались своими душами с врагом и возносились. Это был хаос. Это был кошмар, которому не было конца.

Я уже видел достаточно мёртвых. Я упёрся пятками в бок лошади, и полуночный боевой жеребец поднялся на дыбы и вызывающе завопил.

— Сэр, вы не можете! — Один из советников, которых мне назначил Гай, вскрикнул, потянувшись ко мне. Жизнь в легионах обострила культивацию этого человека до острия ножа. Без сомнения, его жизненная сущность была сильнее моей.

Но одной силы было недостаточно. Моя пневма вырвалась из меня волной. Добродетель Гая швырнула мужчину обратно в седло.

— Капитан ведёт с фронта, — прорычал я, и моя лошадь рванулась галопом по полю.

Было хуже видеть врага вблизи. Они были невозможностью. Извращением природы. Хуже того, они носили доспехи мёртвой нации. Империи, которой не могло быть.

Карфаген давно был сожжён и засолен.

— За Гая! — взревел я, бросаясь в зубы кошмара, лишь с клинком и моей дерзкой душой. — За Рим!

— Гай! — Солдаты пятого легиона закричали. — РИМ!

Я пронзил бурю, как острие копья.

— Сэр. — Первое копьё стоял по стойке смирно. Я отпустил всех остальных из палатки.

Орёл-посланник склонил голову набок, с любопытством глядя на меня, пока я читал его послание. Ожидая ответа, который я не могу дать, потому что птице некому его доставить. Некуда вернуться.

— Город Рим пал.

Первое копьё был пожилым мужчиной. Выветренный и покрытый шрамами, несмотря на сохраняющие свойства культивации. Он был на войне дольше, чем я был жив. Когда я

рассказал новость, он только закрыл глаза от горя. Я бросил письмо на мою койку. Мои руки дрожали, поэтому я сжал их в кулаки.

— У тебя есть семья, первое копьё? Жена? — Я спросил.

— Да сэр. — Прохрипел он. — И трое мальчиков твоего возраста.

Я попытался вспомнить вкус губ моей жены. Но остался только погребальный пепел и морская соль.

— Эти псы сожгли и засолили город Рим, — сказал я. — Они рассеяли его легионы по четырём углам Средиземноморья и загнали нас во враждебные земли. Скажи мне, какие у нас варианты, центурион.

Первое копьё ответил без колебаний: «Сражаться и умереть, сэр. Затащить их в Тартар».

Я встал, и первое копьё выпрямился передо мной. Его горе отражало моё, но это было то, чем он уже давно овладел. Я должен был бы сделать то же самое.

Капитан ведёт с фронта.

— Тогда чего ты ждёшь? — спросил я, в моей душе разгорался огонь. — Собери людей. Заставим их кровоточить.

Первое копьё ударил кулаком в грудь.

Сражаться. Пока не падёт последний человек.

Карфаген пришёл за нами ночью, и мы встретили их криками.

Мы подожгли наши палатки, чтобы они могли осветить поле. По моей команде центурионы прокричали приказ стрелять, и ряды лучников выпустили свои пылающие стрелы. Их огни вздымались высокими и длинными дугами и были поглощены наступающей ордой. Я возглавил атаку с первым копьём и основной когортой рядом со мной.

Мы столкнулись в громе и крови. Воины Карфагена терзали нас когтистыми пальцами, которые резали бронзу как паучий шёлк. Они выли так громко, что у людей шла кровь из ушей, и рычали с ненавистью, вгрызаясь в нас, и мы в свою очередь вгрызались в ответ. Я вонзил копьё в Карфагенский нагрудник и поймал ответный взмах палаша на щит. От удара моя рука мгновенно онемела. Умирая, враг смотрел на меня едкими жёлтыми глазами.

Это были волки в форме людей. Самый маленький из них был выше самого высокого Галла и ходил на двух ногах, которые были сочленены, как у гончих. Они носили оружие и доспехи павшей Карфагенской империи, деформированные и готескно натянутые на их чудовищные тела. Это были демоны.

Они могли культивировать.

Хлёткий удар звука и света ошеломил солдат основной когорты. Звенья цепной молнии в мгновение ока разорвали нашу стену щитов, сковав конечности и ошеломив людей на драгоценные мгновения. Псы завывали и нырнули в наши ряды с тяжёлыми копьями и бронзовыми клинками. Людей разрывали на части, пронзали и сжигали изнутри, когда войска из Карфагена пускали молнии через их клинки.

Я стиснул зубы и зарычал против молнии в моих венах. Я взял своё копье обеими руками, когда трое зверей бросились на меня, и вонзил острие в землю.

Моя добродетель потрясла поле битвы. Каждая стрела в небе изменила свой курс, проносясь сквозь стаи кричащих ворон, чтобы вонзиться в собачью плоть. Волна стрел отбросила первую шеренгу псов на драгоценные секунды. Я кричал вдоль рядов. Шеренги перестроились вокруг собак, прорвавшихся сквозь наши порядки, и легионеры основной когорты разрубили их на части.

Это только дало нам время. Этого было недостаточно. Не могло быть достаточно. Они разгромили лучшие из наших легионов, когда мы превосходили их численностью в четыре раза. У нас больше не было численного преимущества. И у нас не было самого великого генерала в Республике. У пятого легиона был только я.

Центурионы рычали вдоль рядов. Стена щитов сдвинулась, когда люди из тыла двигались, чтобы сменить людей спереди, свежая кровь, чтобы противостоять зверям Карфагена. Я вырвал своё копье из земли и направил его на врага. Я тяжело дышал, моя пневма гремела во мне.

Но они не бросались бездумно на наши щиты и копья. Они отступили и разошлись вокруг единственного зверя. Существо смотрело на меня горящими золотыми глазами. Его губы оторвались от белоснежных клыков, и он рыкнул один раз. Слово.

Передовые псы отступили, и их место беспрепятственно заняли ещё сотни. Отпрактикованно. Я с ужасом наблюдал, как новоприбывшие сомкнули ряды и подняли массивные щиты, прикрепленные к толстым, как стволы деревьев, рукам. Щиты соединились со щитами, и демоны Карфагена исчезли за самой большой стеной щитов, которую когда-либо видело Средиземноморье.

Битва проиграна в тот момент, когда люди теряют надежду. Я с самого начала знал, что у этого боя есть только один конец. Первое копье знал это. Офицеры тоже. Но рядовые, пехотинцы возлагали на меня надежду. Они доверяли мне, как доверяли моему отцу, доверяли

моему приёмному отцу, чтобы провести их через кровавое горнило живыми, если не целыми. За все годы своего существования пятый легион западного фронта ни разу не терял веры.

В этот момент они это сделали. И битва была проиграна.

Капитан карфагенских демонов снова зарычал, и их стена щитов двинулась вперёд. Я видел ужас в глазах моих офицеров. Я видел как мужчины, вдвое старше меня, отчаянно искали во мне какой-то команды, какого-то ещё невиданного чуда. Я почувствовал холодное дыхание тартара, когда он дышал мне на шею, обвивая пальцами моё горло.

Капитан ведёт с фронта.

Я закричал в ярости и врезался в стену щитов. Моя пневма вырвалась из моей души, разбивая переднюю часть их линии, когда я вознёсся.

Мир растворился в грохоте сталкивающихся щитов, сверкающих клинков и рычащих морд. Я разбивал щиты копьём, которое можно было использовать как зубочистку для их зазубренных клыков, пробиваясь сквозь зверей, пока не увидел капитана. Он поднял человеческую руку с толстой кожей и мягкой, как у собаки, ладонью и между кончиками его когтистых пальцев вспыхнула молния. Я вонзил своё копьё в грязь, погрузив свою добродетель в её глубины. Звери выли и визжали, отбрасываемые от меня в широком круге. Капитан упёрся когтистыми лапами и удержался.

— Ты хочешь моих сынов Рима, пёс?! — яростно закричал я. Моя пневма бушевала, дух и голод подавляли разум в муках моего вознесения. — Ты не получишь их! До моего последнего вздоха я не позволю тебе взять ни одного!

Капитан заговорил.

— Тогда в голоде этот пёс небес сожрёт тебя.

Он вытащил из ножен обсидиановый клинок и покрыл его лезвие молнией. Затем он двинулся, и я бросился вперёд, чтобы встретить его.

Сражаться. Сражаться. Пока не падёт последний человек.

Сражаться. Я вонзил своё копьё в жёлтый глаз гончей. Сражаться. Я вплёл свою добродетель между пальцами и раздавил ими собачий череп. Сражаться. Я изо всех сил бросил копьё в спину отступающему капитану, но против него поднялся щит. Оно пробило щит и пса за ним, но не того, которого я хотел. И теперь у меня нет копья.

Сражаться. Люди умирали. В числах, которые я не мог отследить. В масштабах, от которых у

меня сжалось сердце. Люди, которые меня воспитали. Люди, которые научили меня бросать кости и держать меч. Они кричали и захлёбывались собственной кровью, пока умирали. Некоторых забрала молния. Мечи и копья забрали других. Большинство, однако, пали от чистой чудовищной силы – клыков и когтистых пальцев.

Сражаться. Я поймал звериную руку, когда она замахнулась, изогнул и швырнул её себе через плечо. Он попытался подняться, и я втоптал его в землю. Его нагрудник вогнулся и раскололся, как и его грудь. Я тяжело дышал, пар вырывался из-под моих стиснутых зубов. Мне казалось, что я в колеснице, мчащейся с горы. Моя пневма не останавливалась, не могла остановиться. Когда это произойдёт, я умру. Я чувствовал это глубоко в своих костях.

— Рим, — я выдохнул, поймав нисходящий удар меча голыми ладонями. Лезвие вонзилось в кость, но не смогло её прорезать. Я вырвал его из хватки демона и ударил рукоятью по его черепу, как булавой, разбив его вдребезги. — Рим!

На зов никто не ответил. Я огляделся. Я видел трупы и ворон, сотни рыскающих зверей. Взгляды мертвецов сверлили меня. Они обвинили меня. Они судили меня и нашли меня недостойным.

Я был всем, что осталось.

Сражаться.

Медный крик расколол небеса, и море бронзы пронзило волков Карфагена как дротик. Я непонимающе смотрел, как легионы зверей с воем прогоняют с поля люди в шлемах с перьями и мерцающими бронзовыми поножами. Их знамёна и туники были алыми. Цвет Рима. На мгновение я осмелился надеяться.

Глупо.

Они поставили меня на колени перед Аликонским капитаном. Заковали и сковали мои запястья. Мужчина, высокий и безжалостно сильный, судил меня на языке моего наставника из детства.

— Сын Рима. Твоя жизнь принадлежит...

... только тебе, — сказал мне Грифон. В его алых глазах я увидел солнце. — Если завтра ты всё ещё будешь рабом, это будет потому, что ты сам это выбрал.

Моя пневма, запертая в течение стольких месяцев, просачивалась сквозь щели в моих наручниках. Она принесла с собой всё. Пневма была сущностью души. Это была радость. Это было горе. Это было три тысячи мужчин, мёртвых, потому что я не смог привести их домой.

Мои глаза защипало, и впервые за год я почувствовал пепел и соль на ветру.

Вытри эти глаза, юный Солус. Мы не плачем, пока битва не выиграна.

Я стиснул зубы и встал.

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3131576>